

Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum
Jyväskylä 10.–15. 8. 1995

Pars III

Sessiones sectionum

Phonologia & Morphologia

Redegerunt:

Heikki Leskinen
Sándor Maticsák
Tõnu Seilenthal

Moderatores
Jyväskylä 1996

Грамматические категории удмуртского языка

Вопрос о грамматических категориях относится к числу принципиальных проблем языкознания, потому что от того, как они интерпретируются, зависят методы, аспекты, результаты лингвистических исследований. Определение содержания, структуры и номенклатуры грамматических категорий языка имеет и важное практическое значение.

Однако данный вопрос однозначного и адекватного решения ещё не получил. В русистике точный перечень грамматических категорий отдельных частей речи не установлен до настоящего времени. Имя существительное русского языка относится к числу наиболее изученных частей речи. Несмотря на это, номенклатура его грамматических категорий интерпретируется далеко неоднозначно. К примеру, оппозицию одушевлённые-неодушевлённые имена существительные И. Г. Милославский считает грамматической категорией, а А. В. Бондарко её относит к лексико-грамматическим разрядам. В академической "Грамматике русского языка" 1952 г. издания в разделе "Грамматические категории имен существительных" рассматриваются и имена существительные собственные и нарицательные, и имена существительные со значением лица мужского или женского пола, и число имен существительных.

В удмуртском языкознании грамматических категорий частей речи также системному описанию ещё не подвергались. Как правило, перечень грамматических категорий удмуртского языка выявляется лишь при описании конкретных частей речи. В учебно-методических пособиях и работах теоретического характера по грамматике современного удмуртского языка грамматические категории и лексико-грамматические разряды частей речи не дифференцируются, хотя они имеют совершенно разную природу.

В современном языкознании различают грамматические категории двух типов: общеграмматические категории и частнограмматические категории. К числу общеграмматических категорий принято относить самостоятельные части речи как носители определённых и постоянных грамматических значений: имя существительное имеет грамматическое значение предметности, имя прилагательное – признака, имя числительное – количества, глагол – действия, наречие – обстоятельство действия. Особняком среди самостоятельных частей речи стоит местоимение, так как оно своего собственного грамматического значения не имеет. Оно приобретает грамматическое значение тех частей речи, с которыми соотносится и замещает. С точки зрения теории грамматических категорий квалификация местоимения как самостоятельной части речи не оправдано, оно должно быть разбросано по тем самостоятельным частям речи, с которыми соотносится. Однако по традиции и научной инерции в национальных языкознаниях местоимение продолжают квалифицировать как самостоятельную часть речи. К тому же это исключительно удобно в дидактических условиях.

Что касается служебных частей речи, то они грамматического значения не имеют, а располагают лишь семантикой и функцией.

К частнограмматическим категориям традиционно относят грамматические категории частей речи. В современном языкознании частнограмматическая категория (далее грамматическая категория) понимается как "одно из наиболее общих свойств лингвистических единиц или некоторого их класса, получившее в языке грамматическое выражение" (Ахманова 1966: 191). Морфологическая категория – это "система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями", или "одна из основных обобщенных характеристик данного разряда слов, имеющая морфологическое выражение, т.е. проявляющаяся в противопоставлении грамматических форм одного и того же слова" (Там же).

Согласно этому определению статус морфологической категории могут иметь не все языковые явления, а лишь те, которые:

- реализуются через два или более противопоставленных однородных грамматических значения;
- имеют грамматические значения, выражающиеся собственными морфологическими формами;
- являются номинативными, обязательными и регулярными.

К примеру, временная характеристика глаголов удмуртского языка реализуется через три однородных, но противопоставленных грамматических значения: настоящее, прошедшее и будущее время. Все они обладают собственными морфологическими формами, они номинативны, т.к. каждое временное грамматическое значение имеет свою семантику, их противопоставление обязательно и регулярно. Значит, временная характеристика удмуртских глаголов полностью отвечает критериям грамматической категории. Аналогичными являются признаки лица, наклонения и числа.

Известно, что среди глаголов удмуртского языка выделяются переходные и непереходные варианты. Это противопоставление имеет грамматический характер, так как от переходности/непереходности глаголов зависят их возможности и особенности сочетания с именами существительными. Однако данное противопоставление статуса грамматических категорий не имеет, ибо переходные и непереходные глаголы не обладают собственными морфологическими средствами выражения: *мыныны* 'идти', *адзыны* 'видеть' и своими грамматическими формами друг от друга ничем не отличаются, хотя первый из них – непереходный, а второй – переходный. Такие явления относятся к лексико-грамматическим разрядам.

К лексико-грамматическим разрядам части речи прикреплены жестко, они имеют значение какого-либо одного разряда, и за редкими исключениями, из одного разряда в другой переходить не могут: неодушевленные имена существительные всегда неодушевленные, переходные глаголы в любых ситуациях остаются переходными. Напротив, одно и то же слово может приобретать разные категориальные значения: *тиспу-тиспуос* 'дерево-деревья', *адями-адямылы-адямилэн* 'человек-человеку-человека', *мыныны-мыни-мыно-мынисько* и т.д. 'идти-шёл-пойду-иду'.

Теория грамматических категорий служит надежным инструментом при решении многих практических вопросов языкознания. Встречается немало спорных случаев квалификации отдельных слов как частей речи. К примеру, *ветлос вал* 'ходил бывало' и *ветлы вал* 'сходи, пожалуйста'.

На первый взгляд, слово *вал* в обоих случаях выполняет одну и ту же грамматическую функцию. Однако в первом случае это вспомогательный глагол, участвующий в формообразовании глагола *ветлыны* 'ходить'. Оно номинативно и грамматически загружено, т.к. без слова *вал* 'бывало' глагол *ветлоз* становится глаголом не прошедшего, а будущего времени.

В сочетании *ветлы вал* 'сходи, пожалуйста' слово *вал* грамматической нагрузки не несёт, ибо и со словом *вал*, и без него глагол *ветлы* не имеет форму повелительного наклонения. Слово *вал* в данном случае глаголу *ветлы* придаёт лишь семантический оттенок. Можно спорить относительно того, чем – или частицей, или модальным словом – является в данном случае слово *вал*. Одно ясно, оно в формообразовании не участвует, поэтому не может квалифицироваться как вспомогательный глагол.

Теория же грамматических категорий позволяет дифференцировать формы одного слова и однокоренные, но разные слова. К примеру, слово *горд* 'красный', *гордыт-гордалэс* 'красноватый' являются однокоренными и характеризуются семантической близостью. Однако это не форма одного слова, а разные и самостоятельные лексемы. При формообразовании разные формы одного слова имеют грамматическое значение какой-либо одной категории. Сравним: *ос-осьёс* 'дверь-двери' – категория числа; *мыно-мынод-мыноз* 'пойду-пойдёшь-пойдёт' – категория лица. В случае же *горд-гордалэс-гордыт* никакого категориального значения нет. А коли так, то суффиксы *-мыт*, *-алэс* являются словообразовательными. Их словообразовательная роль в некоторых именах прилагательных проявляется ещё более явно. Например, *кузь* 'длинный' – *кузьлэс* 'продолговатый', *котыр* 'окружной' – *котырэс* 'круглый'.

Кстати, слова *горд-гордыт-гордалэс* совершенно оправданно отдельными словарными статьями даются и в "Удмуртско-русском словаре".

Потенциальные возможности теории грамматических категорий как практического инструмента в удмуртском языкознании используются пока далеко не полно. По этой причине в грамматике удмуртского языка представлено множество противоречивых положений. К такому, на наш взгляд, относится выделение количественных и порядковых числительных. При подобном толковании возникает два противоречия.

Первое. Общепризнанным и бесспорным является положение о том, что имя числительное как часть речи имеет грамматическое значение количества. При таком подходе возникает тавтология: среди частей речи, имеющих грамматическое значение количества выделяются количественные числительные. Спрашивается, что, если не количество, должна обозначать часть речи с грамматическим значением количества? Неужели порядок?

Второе. При существующей концепции грамматических категорий так называемые количественные и порядковые числительные должны рассматриваться как разные грамматические значения одной грамматической категории:

- они однородны, но противопоставлены;
- имеют собственные средства выражения – наличие или отсутствие суффикса *-этий*;
- это противопоставление регулярно, номинативно, обязательно.

Значит, количественные и порядковые числительные реализуют какую-то одну грамматическую категорию. Правда, она не имеет назва-

ния. Проблема не в этом, придумать название несложно. Проблема в другом – возникает явное противоречие в интерпретации грамматических категорий числительного. Согласно существующей теории грамматических категорий, имя числительное – это общеграмматическая категория. Грамматические категории самого имени числительного – это частно-грамматические категории. Значит, количественные и порядковые числительные реализуют какую-то частно-грамматическую категорию. Но сами количественные и порядковые числительные также имеют грамматические категории числа: *витетйез* 'пятый', *витетйосыз* 'пятое', падежа *витетй* 'пятый', *витетйэз* 'пятого'. А коли так, то получается трёхъярусное членение грамматических категорий имени числительного, ибо между общеграмматическими и частно-грамматическими категориями возникает промежуточная грамматическая категория со значениями количественных и порядковых числительных. Очевидно, тут что-то не так.

Данное противоречие заложено в том, что так называемые порядковые числительные – это не числительные. По всем своим грамматическим показателям они полностью аналогичны с именами прилагательными: совпадают их грамматические категории (число, падеж); и те, и другие способны приобретать выделительно-указательные суффиксы *-эз* (*-ез*), *-ыз*; выполняют одни и те же синтаксические функции. Значит, так называемые порядковые числительные – это имена прилагательные, образованные от имен числительных. Кстати, подобная трактовка не вызывает никаких споров в русистике.

Таким образом, теория грамматических категорий среди обширного практического инструментария удмуртского языкознания является одним из самых надежных инструментов для квалификации и дифференциации многих языковых явлений.

Литература

- Ахманова О. С. 1966. Словарь лингвистических терминов. Москва.
Бондарко А. В. 1978. Теория морфологических категорий. Ленинград.